

**НА ЗАРЕ «ЭПОХИ 1990-Х»:
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1990–1991 ГГ.
В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ**

© 2018

Захарченко Алексей Владимирович, доктор исторических наук,
заведующий кафедрой истории, международного права и зарубежного регионоведения
Кирдяшев Максим Сергеевич, студент юридического факультета
Панкеева Ксения Викторовна, студент юридического факультета
*Самарский филиал Московского городского педагогического университета
(г. Самара, Российская Федерация)*

Аннотация. В данной статье рассматриваются 1990–1991 гг. как переломный период, который ознаменовал собой крах политики «перестройки». Коммунистические институты власти становятся пережитком прошлого, происходят метаморфозы в социальной структуре советского общества. В поле интерпретации «истории повседневности» находится реальность в проявлении ее субъектов, которые являются свидетелями событий тех лет. Реальность повседневности относится к различным общественным сферам, акторами событий могут выступать люди разных социальных слоев. Незаменимым источником информации для изучения отношений между властью и обществом данного хронологического периода являются газеты и журналы. За основу были взяты письма и обращения граждан из региональной газеты «Волжская коммуна», имеющей рубрики, в которых выражалось общественное мнение насчет динамики политики перестройки. В свою очередь, представляет интерес эмоциональная реакция, отраженная в письмах. Источники четко фиксируют основные тенденции и этапы общественного настроения, сложившиеся в тот период, тем самым передают распространявшуюся в обществе политическую апатию. Полученная из источников информация вносит определенный вклад в изучение «истории повседневности» и может являться базисом для исследований и выявления новых аспектов в социальной истории.

Ключевые слова: социальная история; история повседневности; перестройка; власть и общество; письма во власть; макроистория; микроистория; Куйбышев; СССР; КПСС; Волжская коммуна; политология; социология; экономика; идеология; социалистическое общество; девяностые.

Социальная история, или, как еще говорят, «история повседневности» – одно из современных направлений исторической науки. Она исследует уровни жизни, труда и отдыха (условия проживания, социальной адаптации, быта), а также некоторые факторы, которые влияют на формирование сознания и норм поведения, социально-политические предпочтения и много другое в тот или иной исторический период человечества. Изучение социальной истории России 1990-х гг. представляется весьма интересной и актуальной на сегодняшний день. Данный период является предметом активной политической дискуссии, в которой происходит поляризация оценок, появляются штампы, такие как «лихие девяностые». Во многом сложившаяся ситуация осложняется малой исторической дистанцией, когда о «девяностых» дискутируют разные поколения россиян, которым довелось стать непосредственными свидетелями масштабных изменений в данную эпоху. В этой связи издержки политически и идеологически ангажированных оценок должны быть преодолены научным осмыслением недавнего прошлого, что потребует специалистов из различных отраслей гуманитарного знания: политологии, социологии, юриспруденции, экономики и, разумеется, истории [1].

Одним из ключевых источников, позволяющих раскрыть эмоциональный фон повседневного восприятия социально-экономических и политических изменений 1990-х гг., являются общественные настроения, в значительной степени отраженные в «письмах во власть», обращениях граждан в печатные СМИ, с надеждой быть услышанными властью.

Объектом данного исследования являются жители Куйбышевской области, а предметом – их общественные настроения в период 1990 – начала 1991 года. Выбор хронологических рамок обусловлен переломным характером тех лет, необратимым переходом, ознаменовавшим собой крах политики перестройки, демонтажем коммунистических институтов власти, вхождением в новую экономическую реальность.

Источниковой базой исследования послужили материалы периодической печати, в частности самой тиражируемой региональной газеты в Куйбышевской области – «Волжской коммуны», куда граждане направляли письма, полные тревоги за происходящее. В этой связи газетный текст представляет собой срез общественного настроения [2, с. 537].

Поскольку историографическая традиция изучения повседневности 1990-х гг. только формируется, необходимо обратиться к теоретическому опыту, накопленному, начиная с поворота к сюжетам социальной истории. XX век знаменует собой смену приоритетов в исторической науке, ее трансформацию. На авансцену выступают альтернативные концепции, по-новому интерпретирующие исторический процесс, осуществляется пересмотр методологических подходов. В частности, появляется концепция так называемой «социальной истории» (история жизни людей), «истории повседневности», где в центре исторического процесса стоит жизнь обычного человека как составляющая глобальной мировой истории. И посредством изучения истории «снизу», обращения к простому человеку, изучения его потребностей, интересов, условий жизни предполагается по-

знание общей, глобальной истории. В конце XX – начале XXI вв. повседневность находится в фокусе внимания исследователей из России. А.А. Аникеев объясняет эту тенденцию переносом «центра тяжести исторического исследования на феномен человеческой жизни в ее повседневности, во всех ее проявлениях и связях и, прежде всего, в процессе реализации человеком своей родовой сущности, производстве условий жизни» [3, с. 6].

Предшественниками и основоположниками изучения социальной истории являлись такие представители феноменологического направления изучения истории, как Э. Гуссерль [4], А. Шютц [5], П. Бергер [6], Г. Гарфинкель [7]. Развили и систематизировали их идеи представители школы анналов и их последователи М. Блок [8], Л. Февр [9], Ф. Бродель [10]. Впоследствии история повседневности приобрела большую популярность в европейской и особенно немецкой исторической науке. П. Бергер и Т. Лукман в своем труде «Социальное конструирование реальности» проповедовали следующий принцип: как человек создает социальную реальность, так и эта реальность создает человека. Одной из первых попыток создать непосредственно исследование самой повседневности принадлежит Г. Гарфинкелю – основателю этнометодологии. Гарфинкель предпринял попытку синтезировать методологический инструментарий этнографии, который применялся для исследования примитивных культурных общностей, и посредством этого провести анализ коммуникативных и когнитивных форм социальной жизни с опорой на социологический способ интерпретации фактов. В основе этнометодологии заложено стремление к пониманию процесса коммуникации как процесса обмена значениями. Значительное увеличение интереса к «социологии повседневности» произошло с изменениями, происходившими в историческом знании в середине XX в. В этот период значительный вклад в развитие изучения повседневности внесли французские историки М. Блок и Л. Февр, обратившие внимание на «антропологический» подход к изучению прошлого. Исследователи отдавали предпочтение предметам материальной культуры, изменениям, происходившим со временем в языке, обрядах и ритуалах, фольклору, топонимике. Историки расширили поле исследования за счет взаимодействия с другими отраслями знаний: демографией, психологией, географией, социологией. Реконструкция повседневности при этом виделась элементом общей, целой истории. Начинания М. Блока и Л. Февра продолжили их ученики из «школы анналов» и прежде всего Ф. Бродель, который рассматривал повседневность как часть макроконтраста жизни прошлого. В изучении экономики общества Бродель предлагал выделять 2 уровня: жизнь материальную и нематериальную («структуры повседневности»). К «структурам» он относил все то, что окружает человека: условия жизни, его потребности и возможности. Итогом исследования, по Броделю, должно было стать выявление некоей константы, величины, присутствующей во всех формах быта какой-либо историко-культурной общности. Впоследствии подход Броделя широко использовался последователями «школы анналов» и учеными других стран.

В советской исторической науке новое направление не получило широкого распространения. Практически до конца 1980-х гг. все то, что касалось ис-

тории повседневности советского человека, рассматривалось с идеологизированных позиций, и если и изучалось, то только в дополнение к «большой» истории (истории КПСС, СССР и т.д.). Кроме того, большинство архивных источников были недоступны для изучения, что не позволяло полноценно реконструировать и объективно изучать проблемы повседневной жизни советских людей. Однако труды советских исследователей имеют огромное значение в плане изучения статистики и количественных показателей повседневной жизни советского народа. Так, в работах отечественных исследователей послевоенного периода внимание уделялось динамике уровня жизни населения: изучались количественные показатели социальных процессов, динамика протекавших изменений в жизни народа. Особенное внимание исследователи уделяли формированию социалистического, советского образа жизни, становлению «нового» быта. Исследователи Э.В. Клопов [11] и Л.А. Гордон [12] указывали на рост продолжительности свободного времени рабочих как следствие совмещения производственной и бытовой сфер общественного бытия. При этом многие виды досуга стали более доступны широким слоям населения (кино, чтение, театр).

С начала 1990-х гг. процесс изучения повседневной истории привлек внимание значительного числа исследователей. Этому способствовал ряд факторов. Во-первых, было снято идеологическое ограничение со стороны государства на изучение только «государственной истории». Во-вторых, после распада СССР были открыты и рассекречены многие архивные документальные источники, позволяющие создать полноценное историческое исследование в этом направлении. В-третьих, в полной мере стали доступны работы зарубежных исследователей по истории повседневности, в том числе и советской (например, Ш. Фицпатрик [13]). В связи с тем, что вопросы повседневности стали разрабатываться отечественными историками совсем недавно, круг работ по данным проблемам весьма ограничен. Он представлен в основном трудами «столичных» ученых. Первыми результатами проведенных исследований стали публикации статей отечественных историков в различных специализированных сборниках [14–16] и журналах [17]. Затем в свет начали выходить и первые монографии. Среди первых отечественных исследователей, обратившихся к истории повседневности, можно выделить Е.А. Осокину [18], Н.Н. Козлову [19], В.С. Тяжельникову [20], С.В. Журавлеву [21].

В.С. Тяжельникова в своих трудах исследует такую составляющую советской повседневности, как искусство, фольклор (песни), а также обращает внимание на проблемы духовной составляющей жизни советского человека и ее влияние на поступки людей [22; 23]. Продуктивное изучение автором проблем советской повседневной реальности внесло существенный вклад в развитие истории СССР. Яркое тому подтверждение – написанное в соавторстве с А.К. Соколовым учебное пособие по советской истории 1941–1991 гг. [24]. В дальнейшем популярность изучения истории повседневности возросла. В 1990 – начале 2000-х гг. появились новые работы как по методологическим проблемам, так и по предметно-историческим: Л.А. Савченко [25], А.И. Черных [26], И.Т. Касавин [27], И.В. Герасимов [28], Е.В. Золотухина-Аболина [29], Б.В. Марков [30], В.П. Козырь-

ков [31], Л.П. Репина [32], А.С. Сеньявский [33], А.К. Соколов, Б.А. Грушин [34], Н.Б. Лебина [35], В.В. Алексеев [36], В.Р. Битюкова [37], С.И. Быкова [38], Е.Ю. Зубкова [39], И. Утехин [40], А.А. Лившин [41], Е.Ю. Герасимова [42]. В центр внимания исследователей, изучающих социальную историю России, попали ранее не разрабатываемые в отечественной историографии сюжеты: трансформация сознания, экология города в социально-экономическом ракурсе, политическая культура городского населения и взаимоотношения населения с властью в свете материалов опросов общественного мнения и анкетирования, проблема человеческой ментальности, жилищного быта советских людей и, в частности, феномена «коммунальной квартиры».

Российская повседневность советского и постсоветского периода представлена в монографии С. Бойм «Общественные места», вышедшая в 1994 г. Формирование, по мнению автора, общественных мест обусловлено организацией речи и пространства. Ключевое значение в данном вопросе имеет «топонимика пространства». Как полагает С. Бойм, «Россия с ее эклектичной культурой занимает особое место в межкультурном пространстве Европы и Азии. Путь изучения культурных мифов и общественных мест связан с путешествием в прошлое, привлекающим западных туристов, которые ищут в современной России памятники ушедшей в историю «деспотической» системы. В связи с организацией пространства общественных мест автор рассматривает феномен коммунальной квартиры как отражение советской системы форм организации быта» [43].

М.В. Капкан в своей монографии «Культура повседневности» рассматривает методологические аспекты изучения культурной повседневности. В фокусе внимания автора «наиболее репрезентативные феномены культуры повседневности, такие как тело и телесность, вещь, пища, сфера эмоций, и актуальные подходы к их исследованию, сложившиеся в отечественной и зарубежной социально-гуманитарной науке» [44].

Направления в изучении социальной истории на протяжении последних десятилетий были обусловлены становлением новой методологии. История, как дисциплина, во второй половине XX в. претерпела существенные изменения. Своего рода «тектонический сдвиг» к проблеме социальности обусловил превращение истории в науку социальную, интегрируя научные знания об обществе и природе. Как отмечает О.С. Поршнева, «важнейшей предпосылкой данного процесса стало развитие междисциплинарной кооперации социально-гуманитарных и естественных дисциплин. Междисциплинарная кооперация истории зародилась на рубеже XIX–XX вв., включая в себя науки о человеке и обществе, что сопровождалось оформлением целого ряда новых отраслей знаний (социологии, исторической и социальной психологии, антропологии, демографии и многое другое)» [45, с. 5–6]. Среди методологических условий междисциплинарного сотрудничества можно выделить, как полагает автор, «единство науки как способа познания природы и общества, реализацию во всех ее сферах базовых эпистемологических принципов и общенаучных методов; наличие общего объекта гуманитарных и социальных наук – человека и общества (при различии их предмета); использование в смежных дисциплинах аналогичных

источников и серий документальных данных» [45, с. 5–6].

«Культурный поворот» в 1990-е гг., опираясь на социальный контекст прошлого, способствовал рождению «новой социальной истории», которая включала в себя «анализ данных о культурно обусловленных свойствах исторического субъекта», превратившись «в своем новейшем варианте в социокультурную историю. Для нее стал характерен комплексный анализ субъективного и объективного, микро- и макроструктур в человеческой истории» [46, с. 38].

Можно говорить о том, что в 1990-е годы отдельные аспекты проблемы истории повседневности изучались в российской историографии в рамках «микроистории». В научных кругах большой интерес проявляется к изучению советской повседневности: советского менталитета, сознания, мышления, образа жизни, бытовых условий и т.д.

Всё вышесказанное свидетельствует о том, что на сегодняшний момент повседневность, в контексте социальной истории, – объект изучения в мировой исторической науке в целом и российской в частности. А осознание научным сообществом необходимости изучения процессов прошлого на основе микроисторического подхода делает историю повседневности одним из главных направлений в современном гуманитарном знании. В этой связи социальная история России периода 1990-х гг. находится еще на пороге научного осмысления. Изучение общественных настроений, отражавших переживания советских граждан в последние месяцы существования СССР в 1990–1991 г., позволяет глубже понять мотивы разочарования в политике перестройки, наличие ожидания позитивных изменений, которые у одних парадоксальным образом ассоциировались с возвратом в прошлое к «ленинским принципам построения социализма», у других переплетались с надеждой, что у советской системы есть шанс на реформирование.

Незаменимым источником для изучения отношений между властью и обществом в данный хронологический период являются печатные СМИ. За основу нашего исследования были взяты письма, обращения, интервью граждан, помещенных в региональной газете «Волжская коммуна» в 1990 – начале 1991 г.

За 1990 год «Волжская коммуна» получила более 30 тысяч писем и ответов на них. Из них опубликовано 6100. Больше всего поступило откликов на публикации газеты – 1267. По вопросам ремонта и эксплуатации жилфонда области в редакцию газеты обращалось свыше 800 человек. В 1989 г. – 660. Значительная часть обращений была посвящена бытовым проблемам. Жителей Куйбышевской области волновали неудовлетворительные жилищные условия – газета получила в 1990 г. 545 писем по данной теме. Многие авторы выражали сомнения в справедливости распределения жилья. Неизменно часто упоминаемой в обращениях была тема торговли и общественного питания – редакция газеты получила 685 жалоб на этот счет. Граждан заботило состояние пассажирского транспорта (466 писем), вопросы благоустройства городских и сельских улиц, дворов, площадок и скверов (436 писем) [47].

Содержание материалов, посвященных социально-экономическим и политическим проблемам, говорит о том, что их авторов объединяло общее ощущение разочарования в горбачевских реформах,

неприятие или непонимание их цели. Некоторые авторы пытались разобраться в причинах краха «перестройки», или, говоря горбачевским языком, «механизмах торжества реформ», предлагая рецепты выхода из кризиса. Граждан волновали не только традиционные социально-экономические проблемы (талоны, очереди, дефицит), но и эрозия коммунистической идеологии, судьба КПСС, существование которой в качестве правящей партии ставилось под вопрос, особенно после фактической отмены в марте 1990 г. 6-й статьи Конституции СССР, в которой партия провозглашалась в качестве «направляющей силы».

Письмо жителя г. Куйбышева, токаря М. Фролова, опубликованного в «Волжской коммуны» от 3 апреля 1990 г., под ярким названием «Хотим справедливости!», раскрывает главную, по мнению автора, причину «митинговых страстей» – обман народа властью. «В социалистическом обществе, – пишет автор письма, – его руководители стали руководствоваться не только не идейными, а просто низменными страстями: стремлением ко все большему обогащению, к роскоши. И за последние десятилетия все идеалы революции были утоплены во лжи, цинизме». Автора возмущает позиция средств массовой информации и «партаппаратчиков со стажем», внушающих народу мнение о том, что митинг – это проделка экстремистов. «Но грош цена тем нашим руководителям, которые видят только эту причину», – заявляет М. Фролов. Он убежден, что от советских принципов социальной справедливости «остался один дым», «целых два поколения выросли среди массы фактов вопиющей архинесправедливости, особенно в среде руководителей высшего и среднего ранга». Пятилетний итог перестройки М.С. Горбачев неутешителен: «Те, кто неправедными путями обеспечил себя и всех своих родичей на многие поколения безмятежной жизни, теперь... включились в перестройку, полагает Фролов. А те, кто жил в подвалах, в вагончиках десятки лет, так там и живут. Народ это видит, этим возмущен. Вот она – питательная почва митингов!» [48].

Политика партийного начальства во многом была непонятной для рядового советского человека. Решение о допущении многопартийности вызвало неоднозначную реакцию, отражением которой стало письмо И. Новосильского, одного из многочисленных читателей «Волжской коммуны». Он не скрывал растерянности перед инициированными «сверху» реформами, а главное, перед их последствиями, которые сложно было предвидеть: «...Нужно сказать об исключении из Конституции СССР 6-й статьи и допущении в стране многопартийности. Да, партия должна заслужить доверие у народа своими делами, но нужны ли нам – при плюрализме мнений и платформ в КПСС – другие партии? Другие – значит, это несогласие с идеей построения гуманного демократического социализма? То есть – антисоциалистического? Выходит, КПСС добровольно уступает свои позиции в борьбе за социализм идейным противникам? Но ведь если партия – выразитель интересов народа, тогда надо бы у народа же и спрашивать, согласен ли он на возрождение в стране партий с буржуазной идеологией. Сейчас они мягко стелют, но, боюсь, на их постели рабочему человеку будет жестко спать, если они возьмут верх. И опять: должны быть просвещены в этих вопросах, а не основываться в своих суждениях на одних эмоциях».

Приученные официальной пропагандой к тому, что «наверху» все расставят по местам, люди ждали от власти четких и простых объяснений. Тот же читатель сетует на отсутствие идеологических ориентиров, которых «архитекторы» перестройки не дали народу: «В ходе перестройки мы столкнулись с идеологической неподготовленностью нашего населения. Многие люди оказались неспособными разобраться в сложных проблемах, имеющих поворотное значение для судьбы страны... Поэтому самые честные, но недостаточно образованные люди часто не могут понять, кто прав – Г. Попов, Ю. Афанасьев или К. Лигачев. И получается, что «наверху» идет идейная борьба, а народ не знает, «за какую команду болеть», либо поддается влиянию громкой фразы. Казалось бы, сейчас как никогда надо тем, кто разбирается во всем этом и умеет доходчиво, аргументированно и убедительно объяснить, – идти в группу масс, в трудовые коллективы. И прежде всего – секретарям и членам обкома, горкома, райкома. Но создается впечатление, что пропагандистская активность партийных работников в последнее время, наоборот, снизилась. А партия, если она хочет иметь авторитет в массах, должна проявлять первоочередную заботу об экономическом и политическом просвещении трудящихся, населения» [49].

В водовороте событий, знаменовавших собой конец советской эпохи, появлялись довольно оригинальные прогнозы недалекого будущего партийной системы СССР. В дискуссионной трибуне «Волжской коммуны», посвященной XXVIII съезду КПСС, было помещено письмо С. Балановского, под заголовком «КПСС – в оппозицию?». Автор – беспартийный инженер, анализирует воздействие политических реформ Горбачева на КПСС и приходит к выводу о неизбежной трансформации правящей партии: «Сложное положение в коммунистической партии и вокруг нее – это реалии сегодняшнего дня. КПСС не только подвергается суровой критике со стороны нарождающихся и укрепляющихся общественных движений, но и испытывает внутреннюю неустойчивость в результате происходящих в ней бурных динамических процессов формирования горизонтальных структур» [50]. Дальнейшая демократизация в СССР, политическая конкуренция неизбежно, по мнению автора, должны привести к изменениям в КПСС. В случае сохранения политического лица правящая партия перейдет в оппозицию, полагает Балановский: «Логическим итогом подробного развития событий следует ожидать выход из рядов КПСС сторонников «демократической платформы» (то есть меньшинства партии) и образование на основе партии социал-демократической ориентации. Произойдет ли этот разрыв на XXVIII съезде или после него – не столь существенно. Важно, что такая перспектива вполне осязаема... Пересмотр 6-й и 7-й статей Конституции СССР, появление на политической арене страны новых политических движений выдвигает на передний план разработку стратегии и тактики действий КПСС в условиях многопартийности. И здесь, на мой взгляд, главной задачей КПСС становится практическая работа по формированию условий для мирного и по возможности менее болезненного перехода в оппозицию», – считает автор письма [50]. Какова же альтернатива оппозиции? Выход Балановский видит в перерождении КПСС в социал-демократическую партию. По его мнению,

это неизбежный процесс, подтвержденный современным опытом трансформации компартий в Европе. Как полагает автор, «...ни в одной из стран с высокоэффективной экономикой, развитой демократической парламентской системой и высоким качеством жизни коммунистическая партия не является правящей, а идеология марксизма-ленинизма – господствующей. Напротив, в этих странах коммунистические партии в качестве оппозиционных выполняют важную роль политического противовеса чрезмерным устремлениям правящих кругов и тем самым способствуют установлению наиболее рационального соотношения между элементами свободы и элементами социальной справедливости в общественных отношениях... революционные изменения в государствах Восточной Европы свидетельствуют о том, что переход от тоталитарной системы к демократической неизбежно приводит бывшие правящие коммунистические партии в стан политической оппозиции, несмотря на все попытки реформировать их (ГДР, Чехословакия, Польша, Венгрия)» [50]. Попытки КПСС удержать власть, ничего не меняя, приведут, по мнению автора письма, к румынскому сценарию с кровавым результатом: «Трагический румынский опыт показывает: чем сильнее правящая компартия сопротивляется назревшим переменам, тем сильнее распространяются в обществе антикоммунистические настроения, вплоть до массовых требований запрета компартии» [50].

К жестким мерам по очистке КПСС от «подхалимов и угодников» призывал И. Сонин – член КПСС, ветеран Великой Отечественной войны: «Надо очистить партию от людей двуличных, какой бы они пост ни занимали, от тех, кто исподтишка или открыто мстит за справедливую критику. Нельзя оставлять в партии вечных молчаливых и «нейтралитетчиков», клеветников и тех, кто, чтобы сохранить личное спокойствие и благополучие, боится отстаивать до конца правду и справедливость. В партии не должно оставаться ни одного взяточника и жулика» [51]. Аналогичную чистку И. Сонин призывал провести в органах суда и прокуратуры, ОБХСС и комитетах народного контроля. Чтобы «не морочить голову народу», Сонин, как и предыдущий автор, предлагал переименовать КПСС в социал-демократическую партию, поскольку «такое название соответствует ее современному положению», а также советовал поменять гимн и распустить Политбюро – иначе, как показывал все тот же опыт «бархатных революций» в Восточной Европе, – угроза потери власти коммунистами: «...советский народ окончательно разуверится в КПСС и произойдет все то же самое, что случилось с родственными партиями по идеологии в соседних странах» [51].

Критически оценивали действия власти и ее представители на местах, о чем свидетельствовала статья с заголовком «Власть – без прав, Советы – без власти?», опубликованная в «Волжской коммуне» 3 января 1991 г. Корреспондент газеты Е. Богомолова вела беседу с депутатом Октябрьского райсовета В.И. Привезенцевым, который на собственном опыте работы убедился в том, насколько государство отгородилась от трудящихся. Сам В.И. Привезенцев вынужден был обратиться в президиум областного совета народных депутатов с призывом прекратить из года в год «пытать народ дырявыми крышами, затопленными подвалами, сырыми стенами, холодны-

ми батареями. Куда ни придешь – в десятках кабинетов начальники сидят, и никто ни за что конкретно не отвечает», – сетовал автор [52]. Обращение В.И. Привезенцева в областной совет депутатов больше было похоже на крик души, в котором чувствовалось крушение политических иллюзий, убеждение в пустоте официальных речей о заботе социалистического государства о своих гражданах. «Уважаемые товарищи! – писал депутат. – Обращаюсь к вам, как человек, который не знает, как ему поступать со своей гражданской совестью, с совестью депутата, наделенного доверием народа. Мне стыдно не за свой депутатский мандат, а за свое бессилие помочь людям, избравшим меня депутатом... Я убедился: они, избиратели, никому не нужны. Не нужны ни исполкому, который отсылает депутатов для решения конкретных вопросов на предприятия, ни руководителям этих предприятий, которым попросту начхать на депутатские запросы» [52].

Критические замечания в адрес власти вызывало ухудшение экономической ситуации во второй половине 1980-х, и прежде всего в сфере торговли. В своих обращениях в главную областную газету «Волжская коммуна» жители Куйбышевской области с тревогой пишут о нарастающем дефиците и ошибках власти при организации распределения товаров – о «неправильном нормировании». Инженер-технолог домостроительного комбината М. Михайлова, письмо которой газета опубликовал 22 января 1991 г., причину дефицита видела в пороках рынка, деятельности «перекупщиков»: «Мы все получили талоны на продукты первой необходимости. А тот, кто составлял, нормативы хоть подсчитал точно? ... Нам другие страны, как нищим, подают. Такая великая держава, а мы самые бедные. Обращалась я 2 года назад к вам в редакцию, писала, что нельзя допускать кооператоров до прилавков, кроме тех, кто выращивает скотину, фрукты, овощи. Дав волю перекупщикам, правительство разлагает общество. ... Туда ринулись мошенники, спекулянты, махинаторы, судимые, дельцы – в поисках легкой наживы!» [53]. Схожие оценки читаем в газетном номере от 9 января 1991 г. в письме ветерана труда Ф. Райха: ««В декабре 1990 года население Самары получало продукты по талонам. Количество нормированных продуктов достаточным признать трудно. Но уверены, что если бы была возможность увеличить эту норму, то это было бы сделано. Мы это понимаем и миримся... Не знаю, как по всему городу, а по Промышленному району покупателей к конкретным магазинам не прикрепляли, и мы теряем целые дни в бегах по торговым точкам, чтобы отоварить эти граммы масла и крупы. Отсюда недовольство и озлобленность населения. Создается впечатление, что кому-то это на руку» [54].

Страх перед будущим и разочарование в настоящем невольно возвращали советских граждан в прошлое, к давно испытанным административно-командным методам управления, к устоявшимся идеологическим ориентирам и жесткой системе распределения: «Для того, чтобы выйти из кризиса, нужна дисциплина. Очень жаль, что не стало Ю.В. Андропова. Он начал хорошую работу, но не пришлось осуществить. Если бы он был лет 5–8, то был бы порядок в стране. А то пока только одна болтовня, которая осточертела», – писала инженер М. Михайлова [53]. Ностальгию по еще более далекому прошлому

читаем в уже упомянутом письме Ф. Райха: «Порядка с распределением продуктов у нас нет. Если во время войны каждый житель был прикреплен по месту жительства к близлежащему магазину и знал, когда отоварят карточки, то теперь нас с талонами пустили на «свободную охоту» [54].

Ощущение безысходности своего положения порождало резкую критику в адрес партийного руководства, причем критика носила персональный характер. Читатель Соловьев возмущался низким уровнем зарплат и ростом цен: «На каком основании наше правительство поднимает цены? И как по ним люди будут жить? А ведь в районах зарплата – 70–100–150 рублей. Цены растут, а зарплата остается на прежнем уровне. У многих так и нет прожиточного минимума» [55]. Провалы внутренней политики вызвали саркастические упреки к первому лицу в СССР: «Как доверять правительству и Президенту? Вера изрядно обветшала. За 5 лет Михаил Сергеевич довел страну до полной разрухи. Начал борьбу с пьянством, а появились наркоманы. Угробили виноград. Создали кооперативы, получили открытую спекуляцию, мафию. Все сплывило за границу. ... Ну и что вы все кричите: давай, Горбачев, давай, действуй! Он и действует: разул, раздел, отобрал все, что было накоплено еще Сталиным. Разве такое должен терпеть народ?» [55].

Содержание приведенных писем показывает тревожные ожидания населения относительно роста цен на товары первой необходимости на фоне углубляющегося кризиса и ухудшения ситуации на продовольственном рынке. За несколько месяцев до указа президента СССР М.С. Горбачева и постановления Кабинета Министров СССР от 19 марта 1991 г. «о реформе розничных цен», официально санкционировавших их повышение, в январском номере «Волжской коммуны» было опубликовано заявление Совета федерации профсоюзов Куйбышевской области, адресованное Верховному Совету РСФСР, Совету Министров РСФСР. Признавая вынужденную необходимость реформы ценообразования, областные профсоюзы предлагали в качестве обязательной меры для снижения социальной напряженности проводить ее поэтапно, информировать население на каждом этапе проведения реформы, доводить до рядовых граждан «все возможные экономические и социальные последствия проводимых мероприятий» [56]. Рекомендации куйбышевских профсоюзов относительно условий проведения реформы ценообразования являлись, по существу, выражением общих патерналистских ожиданий населения от терпящего крах социалистического государства: не допустить повышения цен на товары и услуги первой необходимости, установить строгий государственный контроль за динамикой цен, индексировать зарплаты, выделить из республиканского бюджета (РСФСР) денежные средства для покрытия дефицита бюджета Куйбышевской области [56].

Переживая последствия неудачных социально-экономических экспериментов горбачевской команды, советские граждане, как показывают материалы региональной прессы, испытывали противоречивые чувства. С одной стороны – общее разочарование, потеря идеологических ориентиров, осознание ошибочности выбранного союзным руководством социально-экономического и политического курса. Как следствие – критика власти и персонально М.С. Гор-

бачева. С другой стороны, тревога, ощущение неопределенности в настоящем и страх перед будущим в совокупности с привычкой полагаться на решение накопившихся проблем «сверху» актуализировали патерналистские ожидания, адресованные к государству. Многие еще продолжали надеяться на то, что власть все объяснит, исправит, расставит по местам. При этом залог такого позитивного результата виделся в возвращении «к истокам» – мобилизационной системе, усилению административного контроля, репрессивным методам управления. Наличие этих двух чувств – разочарования и патернализма – характеризуют общественные настроения в последние месяцы существования СССР. При этом ожидание инициативы от государства, как показало недалекое будущее начала 1990-х гг., стало фактором, обеспечивавшим проведение новым руководством России еще более радикальных экономических реформ.

Список литературы:

1. Николаева Л.В. Социальная политика Российской Федерации в девяностые годы XX века: опыт ее реализации в Нижнем Поволжье. Астрахань, 2007. 188 с.
2. 1990-й: опыт изучения недавней истории: Сборник статей и материалов. Т. 1 // Марина Загидиллина. Мониторинг повседневности: советские газеты от января к декабрю 1990 года. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 816 с.
3. Аникеев А.А. Мир и структура повседневности // Проблемы повседневности в истории: образ жизни, сознание и методология изучения: сб. материалов межрегион. науч. семинара. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. С. 5–9.
4. Гуссерль Э. Феноменология // Логос. 1991. № 1. С. 12–21.
5. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: Очерки по феноменологической социологии / А. Шютц; пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; сост. А.Я. Алхасов; науч. ред. Г.С. Батыгин. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.
6. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич; Моск. филос. фонд. М.: Медиум, 1995. 323 с.
7. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2006. 335 с.
8. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. 184 с.
9. Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. 632 с.
10. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. X–XVIII вв. М., 1986. 623 с.
11. Клопов Э.В. Человек после работы. Социальные проблемы быта и внерабочего времени. М., 1972. 368 с.
12. Гордон Л.А., Левин Б.М. Пятидневка: культура и быт. М., 1967. 79 с.
13. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОСПЕН, 2008. 336 с.
14. Российская повседневность 1921–1941 гг.: новые подходы. СПб., 1995. 156 с.
15. Менталитет и политическое развитие России: тез. докл. науч. конф. / РАН. Институт российской истории / под ред. А.А. Горского. М., 1996. 203 с.

16. Наука без перспективы – страна без будущего: по материалам Всероссийского семинара: «Российская наука, состояние и проблемы развития» // ЭКО. Новосибирск, 1997. 287 с.
17. История СССР, Новая и новейшая история, Отечественная история // Российская повседневность 1921–1941 гг.: новые подходы. СПб., 1995. 156 с.
18. Осокина Е.А. Иерархия потребления: о жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935 гг. М., 1993. 144 с.
19. Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора. М.: Ин-т философии РАН, 1996. 216 с.
20. Тяжелникова В.С. Повседневная жизнь московских рабочих в начале 1920-х годов. М.: РОССПЭН, 2002. 236 с.
21. Журавлев С.В. Феномен «истории фабрик и заводов»: горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов. М., ИРИ, 1997. 213 с.
22. Тяжелникова В.С. Самоубийства коммунистов в 1920-е годы // Отеч. история. № 6. М., 1998. С. 158–173.
23. Тяжелникова В.С. Советская песня и формирование новой идентичности // Отеч. история. № 1. М., 2001. С. 252–259.
24. Соколов А.К., Тяжелникова В.С. Курс советской истории 1941–1991 гг. М., 1999. 415 с.
25. Савченко Л.А. Повседневность: методология исследования, современная социальная реальность и практика (социально-философский анализ). Ростов-на-Дону, 2001. 320 с.
26. Черных А.И. Рынок труда в 20-е годы // Социол. исслед. 1989. № 4. С. 118–126.
27. Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М., 2004. 432 с.
28. Герасимов И.В. В поисках новой модели историографии // Историческая наука в меняющемся мире. Вып. 2. Историография отечественной истории. Казань, 1994. С. 28–34.
29. Золотухина-Аболина Е.В. Повседневность и другие миры опыта. М., 2003. 192 с.
30. Марков Б.В. Понятие повседневности в гносеологии и антропологии // Научная рациональность и структуры повседневности. СПб., 1999. С. 182–201.
31. Козырьков В.П. Освоение обыденного мира: социокультурный анализ. Нижний Новгород, 1999. 340 с.
32. Репина Л.П. Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиэвистике // Одиссей. Человек в истории. М., 1990. 167 с.
33. Сенявский А.С. Повседневность как методологическая проблема микро- и макроисторических исследований (на материалах российской истории XX века) // История в XXI веке: историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества / под общ. ред. В.В. Керова. М., 2001. С. 25–34.
34. Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. М., 2001. 624 с.
35. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб., 1999. 320 с.
36. Алексеев В.В. Атомный комплекс в контексте истории России. Екатеринбург, 1999. 37 с.
37. Битюкова В.Р. Социально-экологические проблемы развития городов России. М., 2004. 444 с.
38. Быкова С.И. Между прошлым и будущим: повседневность 1930-х годов в интерпретации современников // Образы власти в политической культуре России / под ред. Е.Б. Шестопал. М., 2000. С. 71–80.
39. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999. 229 с.
40. Утехин И. Очерки коммунального быта. М., 2001. 277 с.
41. Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество. Диалог в письмах. М., 2003. 208 с.
42. Герасимова Е.Ю. Массовое жилищное строительство и изменения в повседневной жизни горожан // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 1998. № 3. С. 23–31.
43. Boym S. Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia. London: Harvard Univ. Press, 2009. 384 p.
44. Капкан М.В. Культура повседневности: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Уралальского ун-та, 2016. 110 с.
45. Поршнева О.С. Роль междисциплинарности в интеграции истории и социальных наук: феномен социально-научной истории // Вестник Российского университета дружбы народов. История России. 2013. № 3. С. 5–19.
46. Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории. Ч. II // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999. С. 7–38.
47. Куликов О. Делать дело // Волжская коммуна. 1991. 16 января № 12 (21915). С. 1–2.
48. Фролов М. Хотим справедливости // Волжская коммуна. 1990. 3 апреля № 78 (21681). С. 2.
49. Новосельский И. Знать мнение народа // Волжская коммуна. 1990. 5 апреля № 80 (21683). С. 2.
50. Балаковский С. КПСС – в оппозицию // Волжская коммуна. 1990. 8 апреля № 82 (21685). С. 2.
51. Сонин И. Авторитет поднимается делом // Волжская коммуна. 1990. 15 апреля № 88 (21691). С. 2.
52. Богомолова Е. Власть – без прав, советы – без власти // Волжская коммуна. 1991. 3 января № 2 (21905). С. 2.
53. Михайлова М. Всех втянули в политику // Волжская коммуна. 1991. 22 января № 16 (21919). С. 2.
54. Райх Ф. Нужен порядок // Волжская коммуна. 1991. 9 января № 7 (21910). С. 2.
55. Соловьев. Мы Сталина уважали // Волжская коммуна. 1991. 23 января № 17 (21920). С. 2.
56. Долгов В. Заявление Совета федерации профсоюзов Куйбышевской области в связи с реформой ценообразования // Волжская коммуна. 1991. 26 января № 19–20 (21923). С. 1.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Фонда «Президентский центр Б.Н. Ельцина» в рамках проекта «Социальная история России (1990-е годы)».

PUBLIC MOOD OF THE KUIBYSHEV REGION RESIDENTS IN 1990–1991 IN THE CONTEXT OF THE SOCIAL HISTORY OF RUSSIA

© 2018

Zakharchenko Alexey Vladimirovich, doctor of historical sciences,
head of History, International Law and Foreign Regions Studies Department
Kirdyashev Maksim Sergeevich, student of Law Faculty
Pankeeva Ksenia Viktorovna, student of Law Faculty
Samara Branch of Moscow City Pedagogical University (Samara, Russian Federation)

Abstract. This paper deals with 1990–1991 as a turning point, which marked the collapse of the policy of «perestroika», the communist institutions of power became a relic of the past, metamorphoses took place in the social structure of the Soviet society. The focus of «everyday life history» is the reality in the interpretation of its immediate participants, who were witnesses of the events of those years. Such events can relate to different spheres of life, and participants in these events can be people of different social strata. Newspapers and magazines are considered to be an irreplaceable source of information for studying the relationship between government and society in this chronological period. Letters and appeals of citizens from the regional newspaper «Volzhskaya Kommuna» were taken into consideration. There were rubrics expressing public opinion about the dynamics of the «perestroika» policy. The emotional reaction reflected in the letters is of great interest. The sources clearly record the main tendencies and stages of the public mood that prevailed in that period, thereby transfer the political apathy that spread in the society. The information received from the sources makes a definite contribution to the study of the «everyday life history» and can serve as a basis for research and reveal new aspects in social history.

Keywords: social history; everyday life history; perestroika; power and society; letters to power; macrohistory; microhistory; Kuibyshev; USSR; CPSU; Volzhskaya Kommuna; political science; sociology; economics; ideology; socialist society; nineties.

УДК 394.9

DOI 10.24411/2309-4370-2018-14220

Статья поступила в редакцию 16.09.2018

«ДРУЖНО ЖИВЕМ, БЕШБАРМАК НАУЧИЛИСЬ ВАРИТЬ...»: К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИЧЕСКИХ МОДЕЛЯХ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В САМАРСКОМ ЗАВОЛЖЬЕ

© 2018

Ягафова Екатерина Андреевна, доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой философии, истории и теории мировой культуры
Демидов Александр Николаевич, кандидат философских наук,
доцент кафедры философии, истории и теории мировой культуры
Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация)

Аннотация. В статье представлен опыт изучения межэтнических взаимодействий в Самарском Заволжье на примере с. Белозерки Красноярского района Самарской области. Теоретико-методологические подходы определялись концепцией «этнических границ», учитывающей дифференциальные признаки в культурных кодах контактирующих групп, а также различные факторы (исторический, социальный, демографический, экологический и другие), влияющие на формирование картины межэтнических отношений. Исследование преследовало цель – выявить механизм взаимодействия этнических групп, исторически проживающих в селе, в ситуациях межэтнических контактов (в том числе с мигрантскими сообществами), факторы, определяющие формирование и поддержание этнокультурной идентичности групп и существующих между ними этнических границ; определить характер взаимной социокультурной адаптации групп. В ходе исследования проведен анализ ситуации межэтнического взаимодействия в языковой, социально-экономической и этнокультурной сферах с учетом исторического фактора, дана характеристика этнических дихотомий (маркеров этничности) в основном на примере численно преобладающих групп русских, чувашей и мордвы. Результаты исследования показали наличие «этнических границ», обусловленных историей заселения с. Белозерки, культурной спецификой, особенностями языкового поведения и этнической идентификации, характером социально-экономических контактов групп и определивших смену различных моделей межэтнического взаимодействия в течение полувековой истории и их разнообразие в настоящее время. Факторами, поддерживающими групповую идентичность мордвы и чувашей, являются язык, функционирующий в семейно-бытовой сфере, внутриэтнические контакты в повседневной, но чаще в празднично-обрядовой сфере. Исследование основано на архивных, опубликованных источниках и полевых материалах авторов (2018 г.).

Ключевые слова: межэтнические отношения; этнические границы; Самарское Заволжье; русские; чуваш; мордва; этнические группы; этническая культура; этничность; этническая идентификация; изоляция; интеграция; ассимиляция; мигранты; социокультурная адаптация; переселения; Белозерки; Самарская область.

Постановка проблемы

Традиционно в рамках кросс-культурных исследований изучаются вопросы сходства и различий

между культурами, исторических взаимосвязей народов, генезиса отдельных элементов культуры и др., но практически не уделяется внимания характе-